

№ 22

ISSN 0132—2141

Мануил СЕМЕНОВ НЕПРОШЕННЫЕ МЫСЛИ

**Мануил
Григорьевич
Семенов**

1914—1986

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 22
(1058)

Мануил СЕМЕНОВ

НЕПРОШЕННЫЕ МЫСЛИ

Составитель В. С. СЕМЕНОВА
Рисунки Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС
«ПРАВДА»
1988**

ЖУРНАЛИСТ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

К служебным дверям, на которых сурово и неприступно значилось: «Отдел распределения фондов», — теснилась подобострастная очередь. Кто с чем: этот — с мешком кедровых орехов, тот — с бочонком байкальского омуля, другой — с ящиком рижского бальзама и так далее. Подпись под рисунком задавала читателю не слишком головоломную задачу — определить, «из каких мест прибыли толкачи».

Такой вот рисунок появился на обложке «Крокодила».

А вышел номер журнала аккурат в канун круглого юбилея одного высокого ведомства, как раз и причастного (наряду, заметим, с другими учреждениями подобного рода) к этому самому распределению фондов.

Руководителям ведомства поразмыслить бы, насколько рисунок отражает реальность их собственной «избы». Но нет — выиграло извечное чиновное «честьмундирство», и последовала апелляция к вышестоящим органам.

В тот день, когда главного редактора пригласили по этому поводу «на ковер», все мы ждали его, понятно, с тревожным нетерпением.

К счастью, он вернулся. Хотя и не в духе. А на все наши вопросы ответил только:

— Я им разъяснил, что сатирический журнал существует в любом цивилизованном государстве для того, чтобы повышать его цивилизованность.

Сегодня нет с нами ни главного редактора Мануила Григорьевича Семенова, ни его тезки — превосходного мастера Ивана Максимовича Семенова, автора рисунка, и мы, наверное, никогда не узнаем, действительно ли они имели в виду юбилей упомянутого ведомства... Впрочем, это не столь уж и важно. Куда важнее то, что уже тогда — а было это в 1971 году — сатирическая стрела журнала метко угодила в одну из самых болевых нравственных точек застоя.

Теперь прошу вас, читатель, представить себе жизнь автора этой книжки, если за шестнадцать с лишним лет его руководства журналом эпизодов, подобных этому, было м н о г и е д е с я т к и. Причем далеко не все завершались так сравнительно мирно, как этот... Думаю, нынешним обновлением всей жизни общества мы не в последнюю очередь обязаны такими вот прорывами к правде в нашей прессе, в литературе, в искусстве; примеров тут предостаточно.

...Когда тридцать лет назад, осенью 1958 года, М. Г. Семенов переступил порог «Крокодила» в качестве его нового главного редактора, ему было нелегко «встряхнуть» журнал. В то время, вспоминал он, «что-то разладилось в крокодильском механизме... Упал сатирический кпд. Нужно было исправлять положение».

В данной книжке вы прочитаете автобиографическое эссе М. Г. Семенова, но здесь о своей работе в «Крокодиле» он пишет довольно скупо. Полнее об этом повествуется в его книге «Крокодильские были» (из-

дательство «Мысль», 1982 г.), из которой можно заключить, сколько понадобилось энергии, изобретательности, смелости и упорства, чтобы исправить положение и поднять сатирический кпд.

Журнал как бы рождался заново. Было критически обревизовано все устоявшееся и оставлено лишь то, что поддавалось обновлению в духе времени. Стал неписанным законом коллективный (по принципу «мозговой атаки») творческий поиск новых идей.

Естественно, главным генератором тогдашней перестройки «Крокодила» был его главный редактор. Что же до результатов, то тут самый неотразимый показатель — тираж. За время «правления» М. Г. Семенова он вырос в шесть раз и достиг почти шести миллионов — цифра для юмористического издания всемирно небывалая и до сего дня непрекращающаяся... Составители Книги рекордов Гиннесса, где вы?

Но растущая популярность журнала была для М. Г. Семенова отнюдь не самоцелью, а средством усиления воспитательной действенности сатиры. Выступая на одном из всесоюзных совещаний сатириков, он говорил:

— Можем ли мы мыслить развитие нашего общества без критики и самокритики? Конечно, это будет не развитие, а застой.

Если здесь иметь в виду п о д л и н н у ю критику, возможную только в условиях широкой гласности, то надо признать, что эти слова, произнесенные четверть века назад, оказались пророческими.

Труды, радости и горести главного редактора, оставив свои следы на тысячах страниц «Крокодила», тем самым останутся в истории журнала, в истории нашей журналистики и литературы. Но в этой истории останется и его имя как талантливого юмориста и сатирика-публициста. Впрочем, Мануил Семенов был на все, так сказать, жанры мастер: писал и переводил стихи, прозу, драматургию... Орден Октябрьской Революции, три ордена Трудового Красного Знамени, ордена Красной Звезды и Отечественной войны, болгарский орден Кирилла и Мефодия, боевые медали, почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР — достойные знаки уважения к его славной биографии.

Как человеку, проработавшему в редакции рядом и вместе с Мануилом Григорьевичем всю его «крокодильскую жизнь», мне доводилось подчас и вступать в споры с ним, но в конечном счете, как правило, приходил к единому мнению. И, просматривая сегодня памятные записи такого рода, я хотел бы подписаться под еще одним его прогнозом, на этот раз более оптимистичным:

— Сатира будет жить и развиваться. Будут изменяться этические критерии, и недостатки, с которыми мы свыклись, тогда будут выходить на первый план. Объектов для сатиры будет достаточно, и я уверен, что «Крокодил» будет жить много-много лет.

А. ВИХРЕВ

МОЯ КОРОТКАЯ БИОГРАФИЯ

Итак, перо и чернила приготовлены, бумага под рукой, теперь надо кратенько рассказать о себе. На былинно-кадровом языке этот вид прозы называется автобиографией. Он очень распространен, в этом жанре пробовали силы и испытывали свой творческий стиль и почерк практически все. И не раз. За свою жизнь, включая и четыре армейских фронтовых года, я переменял никак не меньше двадцати мест службы или служебных постов. Не по своему хотению, конечно. Была бы моя воля, так я бы до сих пор занимался тем, к чему меня приохотил отец еще в шестнадцатилетнем возрасте, то есть ловил бы рыбу. Или, что было бы верхом блаженства и неисчерпаемым источником удовольствия, служил бы бакенщиком в низовьях Волги. Так нет же, меня без конца перебрасывали с одного места на другое, будто я какой-то камешек, а не живой человек. И каждый раз, прежде чем размахнуться и кинуть, требовали от меня:

— Напишите автобиографию.

И я покорно брался за перо и бумагу. Сочинял автобиографии и при выездах за границу, вступлении в профессиональный журналистский или писательский союз, при выдвижении на какую-нибудь премию, награду, почетное звание и т. д. Если бы сейчас собрать все написанные мною автобиографии вместе, то получилась бы довольно пухлая книжка, правда, для очень ограниченного круга читателей: нескольких моих родственников и хороших знакомых, какого-нибудь влюбленного в этот жанр литературы кадровика и меня самого.

Однако я немножко отвлекся. Ближе к делу!

Родился я ровно за 55 дней до того, как началась первая мировая война. Пехотные полки и артиллерия, конные корпуса и саперные части медленно двигались к русско-австрийской границе навстречу друг другу. За ними тянулись обозы с сапогами из гнилой кожи для живых солдатиков и крепко сбитыми березовыми крестами в память убиенных. Побрякивали на возах обитые белой жестью иконки.

А в обеих столицах и других крупных городах враждующих стран

гремели оркестры, по улицам катились толпы разогретых патриотизмом и дешевым вином людей — мужчин и женщин, которые истошно орали: «Боже, царя храни!», «Бей немчуру!» и «Хох!», «Нах Русланд!».

И все эти шумные шествия сопровождались грохотом орудийных лафетов, топотом конских копыт и уже доносившимися с фронта уханьем мортир и гаубиц, разрывами шрапнельных снарядов.

Я лежал в подвешенной на толстом крюке зыбке и, вперив вопросительный взгляд в засиженный мухами потолок, мучительно думал: отчего такой шум, по какому поводу поднялась эта суета? Неужели все из-за того, что я изволил родиться?

Но вернемся опять на некоторое время к дате моего рождения. Она не случайна. Когда у моих родителей появилась первая, еще пока неясная задумка относительно моей персоны, то они, как люди предусмотрительные, заглянули в календарь. Их интересовало начало лета: что примечательного случалось прежде в это благодатное время года? Оказалось, 6 июня родились великий сочинитель А. С. Пушкин и выдающийся музыкант Арам Хачатурян.

— Будешь третьим! — произнес отец сакраментальную фразу, которая, впрочем, тогда не имела столь ужасного смысла, как в наши дни.

— Правильно, — поддержала родителя моя мать. — Может быть, наш сын в этой приличной компании научится чему-нибудь хорошему.

Решение было единодушным, и я родился 6 июня 1914 года.

Теперь, когда с датой покончено, можно переходить к месту рождения. Оно тоже очень важно и так же, как и дата, не подлежит произвольному изменению. Поясню примером. Некто родился в Нижней Каменке. Давным-давно это было. За минувшие годы многое в тех местах изменилось. Исчезла речка Каменка, давшая в свое время имена обеим деревням — Верхней и Нижней. Все поглотило широко разлившееся здесь искусственное море — водохранилище. И хотя родная деревенька давно на дне морском и там теперь никто, кроме пучеглазых окуньков и зубастых щурят, на свет не появляется, Некто продолжает упорно писать: «Родился в Нижней Каменке». Уж и того места нет на том месте, а он талдычит все про Каменку и непременно про Нижнюю. Потому что имел неосторожность однажды, в самой первой автобиографии, упомянуть ее. А как известно, что написано пером...

В общем, понятно. Так вот, если говорить про меня, то я родился в селе Криво-Бузан Красноярского района Астраханской области. Тут и проверять нечего: вот она, Астрахань, на карте в нижнем течении Волги жирной точкой обозначена. Основана татарским ханом в военных целях, а стала крупным торговым центром юга России. «Астрахань, купчихой толстопятой ты считалась испокон веков», — писал некогда поэт.

Несколько сложнее обстояло дело с Красным Яром. Если от Астрахани спускаться по бесчисленным рукам дельты Волги вниз, к Каспию, яров, крутых, обрывистых берегов тебе встретится множество. Но который из них красный, ответить трудно. Все хороши, все красивы. И осо-

бенно тот, где я, подросток, учился в школе. Благодаря густой рошце, которую мы, школяры, развели вдоль речки, не дав паводковым водам разрушать и дальше песчаный берег, засорять русло. Теперь роща выросла, и на ее окрепших деревьях хлопотливые грачи по весне выют гнезда. А еще наш Красный Яр знаменит тем, что пережил однажды серебряно-медную лихорадку. Дело было так. Власти решили сломать старый рынок, перенести его на другое место. Ломать не строить: простоявшие без малого сотню лет киоски, лабазы и деревянные ряды рухнули в один день, поднимая в воздух облака пыли. А когда всю рухлядь собрали и увезли, а пылевые облака унес ветер, глазам собравшихся на дармовое зрелище ребятишек открылись россыпи серебряных и медных монет. В первые минуты ребяческая толпа оцепенела, а потом с воем и визгом ринулась к серебро- и меденосным песчаным отвалам. Секрет их образования был прост: десятками лет, день за днем медные и серебряные монетки выскалзывали из неловких пальцев мясников, молочниц и торговков овощами и падали на дощатый пол, проваливались в щели. Со временем их засыпали пыль и песок, образовав многослойные залежи.

Несколько дней сотни красноярских мальчишек, вооруженных перочинными ножичками, с самого раннего утра до поздней ночи вели лихорадочные раскопки. Результатом их был возросший в десятки раз торговый оборот единственной в Красном Яру мороженщицы тети Насти и повальные желудочные заболевания среди детворы. По причине умеренного употребления сладостей. Но постепенно серебряная жила начала оскудевать, пока не выдала на-гора свой последний пятацтынный. Лихорадка кончилась, и ребячье пищеварение вошло в норму. Нет, что ни говори, а Красный Яр был интересным местечком.

А вот о Кривом Бузане — притоке реки Бузан — никаких примечательных подробностей я, к сожалению, привести не могу. Единственно, и это я могу подтвердить хоть под присягой, что Кривой Бузан, на берегу которого приютилось наше сельцо, никогда не был в этом месте прямым. Можно подумать, что на зуб ему попала особенно кислая ягода барбариса, упавшая с речной кручи, и он, распробовав ее, весь искривился...

Между прочим, я вспомнил, что когда пишешь автобиографию, то, прежде чем означить дату и место рождения, надо назвать свое имя. Не знаю уж почему, но так полагается, это вам любой кадровик подтвердит. Так что, пока не поздно, нужно исправлять ошибку.

Значит, зовут меня... Да, да, вы не ослышались. Именно так. Давно ли? С самого рожденья, простите, крещения. Рассказывают, что по поводу моего имени между папой и нашим священником отцом Василием у святой купели произошел бурный спор. Святой отец утверждал, что имя, которое папа намеревался дать мне, басурманское, а никак не православное. Папа же обвинял священника в невежестве и незнании имен подлинных сынов церкви. Папина точка зрения взяла верх, и совсем не

потому, что он оказался более подкованным в вопросах теологии. Дело объяснялось гораздо проще: отец и священник частенько баловались картишками, и поп вечно ходил у папы в должниках.

Других подробностей спора я сообщить не могу, хотя, конечно, присутствовал при нем. Но хоть убейте — не помню. А с него, с этого спора, все и началось.

Представляюсь незнакомому человеку, называю себя.

— Как вы сказали? — переспрашивает он. — Эммануил?

— Нет, не так.

— Ага, тогда, значит, Самуил?

— Неверно.

— Ну тогда не знаю. Все равно имя ваше иудейское. И сам вы, извиняюсь, натуральный еврей.

— Простите, вы опять ошиблись: я русский. Но разве предосудительно...

— Нет, разумеется. Но зачем вы морочите людям головы и называете невесть какое имя?

Подобные недоразумения продолжались всю мою жизнь. Вплоть до ранней весны 1948 года. Я оказался на отдыхе в только что открывшейся здравнице близ Новгорода. Сблaзн глянуть на поднимающийся из руин древний русский город заставил нас, нескольких отдыхающих, пропустить медицинские процедуры и поехать в город. В чудом уцелевшем соборе мы осматривали богатейшую коллекцию икон. И тут одна висевшая в уголку небольшая иконка привлекла мое внимание. Под ней стояла подпись: «Св. Мануил».

Сначала я глазам своим не поверил. Подходил ближе, удалялся, глядел справа и слева, но подпись не менялась. Значит, ошибался искушенный в священном писании отец Василий и на все сто процентов оказался правым мой родитель... Ай да папа, ай да молодец!

Тут я вспомнил о висевшем на плече «Зорком». Освободил его от футляра и начал фотографировать своего святого с различными размерами диафрагмы и разными выдержками. А потом, вернувшись домой, сделал фотографии и раздал детям: пусть они знают, от какого святого произошел их отец. Однако, если говорить строго между нами, святой оказался довольно невзрачным, убогим каким-то. Но тут уж ничего не поделаешь, тут, как в денежно-вещевой лотерее, можно отхватить новенький, с иголки «Москвич», а можно выиграть набор пластмассовых слоников...

Во всяком случае, с той памятной встречи в запыленном, обветшавшем новгородском соборе я чувствую себя значительно увереннее. И с гордостью ношу свое имя так же, как это делают Иваны, Петры и другие Григории. Как, впрочем, Ахметы, Ираклии и Абрамы. Уверенность моя проистекает от того, что каждый из них тоже постоянно чувствует за спиной натужное дыхание своего собственного, так сказать, персонального святого...

Миновали годы младенчества, наступила пора учения. Оно протекало в каменных стенах приютившейся к подножию холма с возвышавшимся на самой верхушке собором Красноярской ШЛМ. Расшифровывалась так: Школа Ловецкой Молодежи. В отличие от школ Рабочей, Крестьянской, Ремесленной и всякой иной Молодежи. Но нельзя в то же время было понимать назначение школы слишком буквально, будто учились в ней лишь дети ловцов и сами будущие ловцы, то есть рыбаки. Например, моего одноклассника Степку Карчунова его родители, известные в Красном Яру торговцы-колбасники, совсем не собирались усадить после школы в бударку к веслам и сетям. Его ждала другая карьера, скорее всего по коммерческой части. Иная участь ожидала и Идриса Жармагамбетова, степняка, выросшего в кибитке поблизости от отцовских конских табунов. Однако это в будущем, а пока все мы были шэлэмовцы.

Однако если бы спросили моего совета, то я бы написал на вывеске нашего обиталища совсем другие буквы: ШУВ, то есть Школа Упущенных Возможностей.

Здесь, у подножия соборного холма, нас учили не только русскому, но и немецкому языку. Преподавал его Макс Генрихович, выходец из Саксонии. Он прекрасно изъяснялся на нескольких диалектах немецкого языка, был знатоком грамматики. Он мог бы передать нам твердые знания основ немецкого языка. Мог и не смог, из-за того, что большую часть уроков находилась... взаперти.

Послеплатный, близорукий, на старческой походкой направлялся к расположенному на отшибе классу, открывал дверь, раскладывал на столе учебники. И вдруг убеждался, что класс пуст. Макс Генрихович пытался вернуться, но было уже поздно: дверь оказывалась замкнутой на ключ да еще снаружи подперта несколькими деревянными учебными винтовками. Такую злую шутку с учителем мы проделывали много раз и с неизменным успехом. А на тех редких уроках, которые все-таки состоялись, дальше «Was ist das?» и «Das ist unser Klass» дело вперед далеко не двигалось.

Как же потом, в годы войны да и после нее, мы, неблагодарные ученики Макса Генриховича, жалели о сорванных нами его уроках!

Химию нам преподавала Мария Исаковна Спирина, маленькая, хрупкая женщина. Только что окончившая Московский химико-технологический институт имени Менделеева, она была буквально влюблена в свой предмет и могла часами с увлечением говорить об открытиях Бутлерова или словно поэму излагать простейшую формулу воды. Но, увы, семена нашей химички падали на сухую почву. Наш рационалистически устроенный мозг отказывался воспринимать отвлеченные, как нам казалось, химические символы и законы. И на уроках химии мы перебрасывали друг другу записочки, играли в крестики и нолики, кроили из тетрадных листков кораблики и занимались еще бог знает чем, но совсем не слушали заливающейся соловьем Марии Исаковны. И потому

по окончании школы, в то время, когда пришел век химии, наши представления об этом предмете были такими же девственно чистыми, как и представления аборигенов Амазонии, только что вышедших из тропических лесов.

У нас были прекрасный географ и сказочно талантливый словесник, но драгоценные крупицы знаний, преподносимых ими изо дня в день, запали в души немногих. И теперь, по прошествии стольких лет, годы учения представляются мне как сплошное единоборство двух сил: невежества и науки. На одной стороне находились мы, закосневшая в ереси ученическая масса (многие из нас, например, были твердо убеждены, что ветер происходит от движения туч на небе), и вооруженные знаниями педагоги — на другой. Когда схватка закончилась, то судьи, если бы они в это время оказались поближе, с трудом смогли бы определить, на чьей стороне перевес. Скорее всего счет был бы ничейным. Горько это сознавать, но в том, пожалуй, нет вины нападения (сборная учителей и учительниц). Просто оборона (ученическая команда) оказалась необычайно крепкой, можно сказать, непробиваемой. Пусть читатели не подумают, что сейчас я выступаю как замаскированный просветработник, занявшийся на склоне лет назидательной просветительной пропагандой на тему «Учение — свет, неученье — тьма». Нет, все объясняется иначе: во мне, вероятно, заговорило с большим запозданием чувство сожаления и раскаяния...

И еще один урок преподнесла мне школа. Уже упоминавшийся мною сын колбасника Степка был препротивным мальчишкой: вечно задирался, обижал маленьких, без конца хвастался. И я, движимый чувством справедливости, решил проучить хвастуна и нахала. Как-то на большой перемене я спросил его:

— Выйдешь на меня?

Ответ был в Степкином духе:

— А думаешь, забоюсь? Ишь, сморчок сопливый!

Я ударил его за «сморчка». Степка собрался ответить, но оказавшиеся тут же секунданты остановили его: затевать драку на перемене не полагалось.

А после окончания уроков весь класс собрался во дворе живших напротив школы братьев Барановых, и поединок, затеянный с благородной целью (наказание обидчика бедных и слабых), начался. Первый удар опять нанес я. Тут уместно признаться, что прежде мне никогда не приходилось участвовать в рукопашных схватках. Драку я видел лишь со стороны, и мне все в ней казалось просто. Покрепче сжимай кулаки и целься в те места, где противнику больней, — наука простая. Но мои кулаки почему-то все время натывались на жесткие Степкины руки и крутые плечи, а он бил меня по лицу, все по лицу. Изловчившись, Степка ударил мне в нос. В глазах потемнело, хлынула кровь. Я уже ничего не видел перед собой и, пятясь, беспорядочно размахивал руками.

Так Степка загнал меня в угол двора, и жюри ввиду его явного преимущества прекратило схватку.

Мальчишеская масса тяжело переживала поражение представителя ловцеких низов в поединке с богатынским горожанином. Для нее это был один из печальных примеров классовых боев, когда правое дело вынуждено отступать под напором более могущественных сил несправедливости и зла.

А я из кровавой стычки со Степкой сделал такие выводы:

Прежде чем вступать в бой, соразмерь силы свои и противника, ибо шапкозакидательство не лучший советчик перед серьезной схваткой.

Борьба, единоборство — искусство, и ему надо учиться.

Правое, справедливое дело само по себе не победит. За него надо бороться.

Между прочим, уместно было бы теперь вспомнить и об ангеле-хранителе. Ведь он прикомандировывается к каждому человеку не просто так, а чтобы всюду сопровождать его и вдохновлять на жизненные подвиги. Мой, когда я в последний раз прикрыл за собой дверь ШЛМ, почему-то сразу поволок меня в море. Собственно, волочил, тащил не он, а мощный мотобот «Быстрый», взявший на буксир целый караван рыбацких судов-стоек. А сам ангел, поди, устроился возле теплой рубки катера и начал беззаботно лузгать арбузные семечки.

Вслед за «Быстрым» мы вышли в море. Оно было необозримо, сказал бы я, если бы до меня десятки писателей-маринистов не употребляли точно такие слова. Его собралось в одном месте очень много, этого моря. И нам предстояло нашими сетями процедить его, чтобы овладеть рыбой, резвящейся в морской толще. Задача, казавшаяся мне совершенно непосильной.

Но уже в первые дни ловли выяснилось, что ничего процеживать не надо. Рыба сама шла в расставленные у самого морского дна сети, и нам оставалось лишь выбирать, выпутывать ее из сетей.

Не думайте, что это занятие — сплошное удовольствие, далеко не так. В ледяной воде стынут руки, от постоянного полусогнутого положения немеют спина и плечи, бесконечное мелькание запутавшихся в тугих ячеях рыбешек вызывает мучительную боль в глазах... Хочется остановиться хоть на минутку, но нельзя: рыбный поток подгоняет. За какой-нибудь час мы заполняем вместительный подчалок по самый верх, и он дает такую глубокую осадку, что нас чуть не заливают соленая морская вода. С трудом выгребая к стойке и выгружаем рыбу на ее широкую палубу. Я выскакиваю из подчалка и приспускаю наполовину флаг на главной мачте — знак, понятный здесь, на Каспии, всем: «Есть рыба, хотим сдать улов».

Затем мы возвращаемся к сетям опять и опять, чтобы до подхода судна-приемки успеть обработать их. И так каждый день с рассвета и до сумерек всю долгую путину, когда на наши сети наваливаются сначала косяки воблы, а потом и жирной сельди. Мы ловим ее с каким-то тупым

ожесточением, до тех пор, пока каждый сантиметр нашей одежды не пропитается терпким селедочным запахом, а кожа на руках не задубеет и не начнет лосниться, как старательно надраенный медный котел.

В течение всей путины мы ловили рыбы очень много, и я сделал вывод, что так называемые неудачи рыболовов-любителей происходят вот почему: они пытаются ловить там, где рыбы мало или нет совсем. Не знаю, утешит ли неудачников поплавочников и доночников этот вывод, но он проверен на практике весной 1931 года на Каспии в районе Белинского банка самолично автором этих строк.

Колесо жизни сделало еще один крутой поворот, и я, раскормленный на рыбацких харчах, очутился в кресле секретаря комитета комсомола крупного рыбозавода. Собственно, самого кресла не было, но так уж говорится... А было ведро с разведенной на керосине и масле сажей, набор щеток и медных пластинок с вырезанными в них буквами и цифрами. Рабочий вкатывал на весы бочку с рыбой, взвешивал, а я трафаретил «брутто», «нетто», «креп. посол», «сл. посол» и т. д. От моего проворства зависела зарплата рабочего, и мне приходилось поворачиваться еще быстрее, чем на подчалке в море. И лишь поздно вечером, отмывшись от сажи, я шел к ребятам в казарму, где мы устраивали свои собрания, политзанятия и репетиции.

Последние я упомянул не случайно. Это упоминание — намек на рано пробудившийся во мне артистический талант.

Одну зиму у нас в Красном Яру играл профессиональный драматический театр. И вот как-то в ШЛМ пришел режиссер, походил по классам, а потом вызвал меня в учительскую.

— Хочешь играть на сцене? — спросил он меня.

Хотел ли я выступать на сцене, как артист? Это была моя давняя заветная мечта! Но на всякий случай я спросил:

— А кого играть?

— Китайчонка, — последовал ответ.

Мы быстро договорились. И теперь я почти каждый вечер был в театре, гримировался и выходил на сцену. Названия пьесы теперь уже не припомню, но по ходу действия белогвардейский офицер намеревался обидеть мою якобы мать, тоже загримированную под китайку. Я подкрадывался к офицеру сзади и ударом клинка в спину «убивал» его. Сцену я заканчивал в объятиях «матери», потом под аплодисменты публики шел занавес...

Тут надо сказать, что от актрисы, игравшей мою мать, сильно несло ароматом духов и пудры, а от офицера — спиртного. Ни того, ни другого запаха я не переносил и с трудом дождался весны, когда театральная труппа, уложив на рейсовый пароход свои нехитрые декорации, укатила в Астрахань.

Теперь же, оказавшись на промысле, я сколотил главным образом из числа бывших соучеников концертную бригаду, которая ездила по рыбацким тоням и развлекала рыбаков. В концерте я выбрал для себя еще

более ответственное амплуа — вокальное. Вместе с бывшей одноклассницей Клавкой Белянчиковой мы выходили на сцену и пели дуэтом, изображая влюбленную парочку. Напрягая до предела голосовые связки, я выводил такие слова:

Слышу чей голосок,
Это Маша моя.
Разгорелась душа,
Дай обнять мне тебя!

Клавка вторила мне, исполняя свою партию. Но это, конечно, было не пение, а отчаянный вопль. Помню, какой страх был написан на лицах рыбаков: им, вероятно, казалось, что мы с Клавкой ходим по высоко натянутой проволоке и вот-вот сорвемся. А присутствовавший на концерте завог нашего райкома комсомола Егорка Кисляков сидел в первом ряду с перекошенным лицом, прилагая отчаянные усилия, чтобы не расхотаться...

Когда представление окончилось, я спросил у него:

— Ну, как прошел концерт?

— Замечательно, вы просто молодцы. Но лично тебе я бы посоветовал...

— А что, разве я плохо пел? — вспыхнул я.

— Я и не говорю, что плохо, — отвечал Егорка, проглатывая остатки смеха. — Просто я бы советовал тебе больше не петь. А то секретарь комитета — и куплеты эти легкомысленные. Несolidно получается.

Так была спета моя песенка. Моя артистическая карьера на том и оборвалась.

К счастью для себя и для нашего многострадального искусства, я не пожалел о случившемся. Да и жалеть-то было некогда: дела надвигались одно важнее другого.

С секретарем нашего райкома Виктором Михайловым мы ходили по крутому валу, защищавшему береговую часть Красного Яра от весенних паводков, и разговаривали. Собственно, говорил Виктор, приехавший по комсомольской мобилизации в наши края из текстильного Иванова, а я шагал рядом с ним и слушал. Он говорил о высоком назначении комсомола, его священном долге.

— Пойми, надвигаются великие классовые бои, и мы должны быть готовы к ним. — Голос бывшего ткача в сыром вечернем воздухе звучал глухо. Михайлов вдруг остановился и спросил меня: — Почему не вступишь в партию? Боишься ответственности? Трусишь?

Я начал оправдываться, сослался на возраст: мне еще не исполнилось полных восемнадцати лет. Но Михайлов не слушал меня.

— Какое имеет значение возраст? Пустая формальность! Не важно, сколько парню лет — семнадцать или восемнадцать, важно, есть ли у него воля и твердая решимость до конца отстаивать родное дело...

И вот собрание. Я стою перед партийцами рыболовецкого колхоза

«Волна революции». Под их строгим, даже, как мне кажется, суровым взглядом чувствую себя очень неудобно. На помощь приходит Силыч — шкипер с нашей рыбницы-стойки.

— Что ж ты, выюнош, там, под Белинским банком, когда штормяг нас три дня по морю таскал, не боялся, а теперь оробел вроде? Чай, не красная девица...

— Ставлю вопрос на голосование, — чуть торжественно сказал председательствующий. — Кто за?

Натруженные ловецкие руки поднялись вверх. Наверное, никогда не забыть мне их. Это они, честные и чистые руки тружеников, поддержали меня, вручили, как теперь говорят, путевку.

Произошло это в середине жаркого июня 1932 года.

Когда пишешь краткую автобиографию, всегда есть опасность расстаться мыслью по древу. Вероятно, нечто похожее происходит сейчас и со мной. Что ж, впредь буду говорить и рассказывать предельно сжато.

1932 год — начало моей не прекратившейся до сих пор службы Газете. Отчетливо помню свое первое творение — информацию о состоявшемся комсомольском собрании. В заметке было 32 строки. Тогда это был мой потолок. Впрочем, я знал одного прекрасного спортивного репортера, который ушел из жизни, так и не написав спортивного отчета длиннее сорока строк. Уже на 37-й строке его начинало лихорадить, а на 41-й он с отворачиванием швырял перо в сторону. В отличие от него я мог писать помногу, даже в один присест.

Сочинял и печатал заметки, критические корреспонденции, передовые статьи, очерки, книжные и театральные рецензии, отчеты о торжественных демонстрациях и парадах, съездах, конференциях, сессиях и прочих научных собраниях. Особенно охотно я писал фельетоны, давно заметив всегда однозначную реакцию читателя. Случайный попутчик, вынув из портфеля только что купленную газету, бегло просматривал ее и, дойдя до последней страницы, находил фельетон. Только тогда он усаживался поудобнее и погружался в сладостный процесс чтения.

Сколько я помню, газета всегда требовала от нас, ее рабов и послушников, только одного — быстроты, резвости. Так что поговорка насчет кормящих ног — это не о волке, а о газетном репортере. Время, неумолимые стрелки, бешено бегущие по циферблату, безжалостно подгоняли, и с этим ничего нельзя было поделать. Однажды я продиктовал особо срочную передовую статью (три страницы на машинке) за девять с половиной минут, включая время, понадобившееся мне, чтобы преодолеть расстояние от редакторского кабинета до машинописного бюро и обратно. Правда, по редакционному, пустынному в ночные часы коридору я бежал с резвостью спринтера, а наша машинистка Катя, поднатревшая в стиле и манере каждого диктовальщика, обычно выступившая диктуемое на два абзаца вперед. А иной раз приходилось мне, исключая обычные инстанции и каналы прохождения материала, диктовать его из

блокнота непосредственно линотиписту. Всякое было, и это всякое чаще всего связывалось со спешкой.

Экономию ради я просто перечислю газеты, где все это происходило: «Комсомолец Волго-Каспия», «Молодой ленинец», «Московский комсомолец», «Коммунист», «Комсомольская правда», «За правое дело», «За честь Родины», «Известия». Давать подробные характеристики каждой из них, думаю, нет нужды, так как многие пахнущие типографской краской газеты вы, вероятно, и сегодня вынимаете по утрам из своих почтовых ящиков.

Пусть лица, читающие сейчас меня, не заподозрят автора в бахвальстве, но ему кажется, что за полвека он узнал о газете все. Она состоит из свинцово-цинкового шрифта (теперь фотонабора), бумаги, черной пахучей краски, тяжелого труда типографов, вдохновения и страсти журналистов, терпения и отваги редакторов. Опыт показывает, что если в ежечасном, еженощном производственном процессе один из названных компонентов выпадает, то газета хиреет и читатель отворачивается от нее. И ждет, пока на редакционном корабле либо сменится команда, либо налетевший откуда-то ветер, опять наполнив до отказа паруса, помчит его дальше по бурным волнам житейского моря...

Он же, этот свежий ветер, прибил меня к борту углого суденышка, на носовой части которого было начертано странное слово «Крокодил». Я ухватился за сброшенную вниз веревочную лесенку и взобрался на палубу. Меня почему-то сразу провели на капитанский мостик и, указав на довольно разболтанное рулевое колесо, сказали:

— Крути!

Я с опаской вцепился в управление, и мы поплыли. Случилось это в 1958 году. Подробности этого довольно рискованного плаванья описаны в книге «Крокодильские были», и у меня нет необходимости повторяться. Скажу лишь несколько слов о смехе.

Признаюсь, смех, улыбка, задорная шутка были мне по душе с самого раннего детства. Но это совсем не значит, что балагурство было нашей фамильной чертой. Так называемые весельчаки на поверку оказываются довольно скучными и беспомощными людьми. В подтверждение приведу такой пример. В одной из наших закаркаских республик возникла проблема редактора юмористического журнала. Кого назначить? После непродолжительных раздумий и обсуждений было решено, конечно же, Эдика К.! Кто еще с такой находчивостью и юмором может вести стол, как он? Ведь без него, веселого тамады, не обходится в городе ни одна свадьба, ни одно другое семейное торжество! Сказано — сделано, назначение состоялось. И действительно, первый устроенный по данному поводу банкет оказался блестящим. Эдик без конца острил, сыпал шутками направо и налево, словом, превзошел самого себя. А дальше? Дальше начали выходить подписанные новым редактором номера журнала, поразившие читателей скукой, тусклостью и убожеством. Оказалось, что между умением пошутить за праздничным столом и выдачей

на-гора смехопродукции для широкой читающей публики — дистанция огромного размера. И вообще я убежден, что смехопроизводство в литературе, на театре, в кино — дело сугубо профессиональное и не терпит никакой самодельности.

Другое мое убеждение касается причин, обстоятельств, условий, рожающих смех. В каждом конкретном случае они достаточно основательны и серьезны. Беспричинный смех, вызванный непроизвольной, случайной ошибкой, промахом, — глупый, если не сказать — дурацкий. Лыбиться над человеческой слабостью, бедой, физическим недостатком человека так же безнравственно, как и злодействовать. Смех всегда социален. Переиначим для наших целей известное крылатое выражение: «Скажи мне, над чем ты смеешься, и я скажу тебе, кто ты».

Всюду, где бьется пульс жизни, есть и смех. Его нельзя вызвать искусственным путем. Часто вспоминаю друга, художника-карикатуриста О. Бывало, он приносил юмористический рисунок, клал на стол редактора и приговаривал:

— Ну улыбнись хоть чуточку, улыбнись, что тебе стоит?!

И принимался щекотать редактора, а тот бешено хохотал...

Но потом, вдоволь отсмеявшись, все-таки спрашивал:

— А почему у бюрократа, которого ты нарисовал, нос крючком? Он что, в автомобильной аварии побывал?

Бояться щекотки и воспринимать юмор не одно и то же. Чувство смешного врожденное, его нельзя вырастить в теплице, как, скажем, ранний огурец. Попытки создать в Габрове, Одессе и иных местах смехорассадники не привели и не могли привести к рождению хотя бы одного Твена, Алеко Константинова или Бабеля. Куда производительнее и эффективнее работают лесо-, рыбо- и прочие питомники, входящие в агропромышленный комплекс.

Юмор, сатира существуют не для убажания сытых желудков, у них более высокое назначение. Смеясь, мы обнажаем социальные уродства, пошлость и мещанство. Не в пустом развлекательстве, а в достижении высоких воспитательных целей видят свою задачу советские сатирики. Может быть, это не очень складно, но эти биографические заметки юмориста мне приходится заканчивать на несколько повышенной ноте. Ничего не поделаешь, смех — дело серьезное.

Фактор времени и места действует просто неумолимо. Я чувствую, как ммурит брови издатель, который держит строгий отчет за каждую стопу израсходованной бумаги, и поеживается на своем месте редактор: его решительного карандаша ждут и другие книги. Всем своим озабоченным видом они дают понять автору: пора, мол, закругляться. Да он и сам знает, что пора, хотя еще ничего не сказал о семейном положении, наклонностях, привычках, без чего автобиография будет неполной. Вынужден перейти на телеграфный стиль.

Женат зпт трое потомков зпт пятеро внуков зпт братья зпт сестры зпт зятя зпт снохи зпт сватья зпт дяди зпт тети зпт племянники зпт на-

блюдается тенденция увеличению семейственности тчк. Увлечение зпт любимые занятия двт держать руках поплавочную удочку зпт садовую мотыгу зпт рыхлитель гладиолусов зпт вместительную кружку горячего ароматного чая какою-нибудь кисленькой ягодкой тчк Образ жизни уединенный зпт годами сближающийся образом жизнедеятельности лошади МНР тчк

Тут необходимо пояснение. В условиях необозримых монгольских степей лошадь, верный друг кочевника, практически круглый год обслуживает себя сама. Вернувшись из какой-нибудь поездки, пастух или арат спешивается у кибитки, снимает сбрую, упряжь и, ласково хлопнув коня по крупу, отпускает на все четыре стороны. И конь сам себе находит ночлег, укрытие от непогоды, воду и корм. Даже зимой он ударом копыта разрывает небольшой снежный покров и щиплет пожухшую траву. Степняк вспоминает о своем четвероногом помощнике лишь тогда, когда ему требуется куда-нибудь поехать. Условленным посвистом он подзывает коня и седлает его.

Теперь я тоже — монгольская лошадь. Встаю ни свет ни заря, когда в доме все спят. Добываю овсянку (мечта моего монгольского коллеги!) и начинаю варить кашу. Быстро вскипает вода. Я достаю маленький чайничек для заварки и, ополоснув кипятком, сыплю две с верхом чайных ложечки грузино-индийско-краснодарского чайного листа и завариваю. Настоящее священнодействие, которое, к сожалению, длится лишь короткий миг. Принимаю лекарство, завтракаю и сажусь за письменный стол.

Когда мне нужно побывать с утра в редакции, издательстве или Союзе (писателей или журналистов), то я, наклонившись над супругой, еще не оторвавшей от подушки голову, шепчу:

— Я поехал.

Слышу в ответ сердитое мычание и на цыпочках, чтобы не разбудить внуков, крадусь к двери. А вернувшись после полудня, так же кратко докладываю:

— Я вернулся.

За годы самостоятельного существования я научился варить уху «по-краснодарски» Ейского консервного завода, «Сибирские пельмени», молочные сосиски, готовить салат из венгерской паприки. Домашние давно привыкли, что практически все свои нужды я сам и обслуживаю, и поэтому вспоминают о моем существовании, лишь когда им нужно оседлать меня и помчаться в Лужники, ЦДЛ или ЦДЖ.

Моя автобиография закончена. Жаль, что она получилась не такой короткой, как была задумана и обещана. Но ведь и самые благие намерения не всегда осуществляются полностью. Такова жизнь.

А теперь, когда ты, милый читатель, познакомился с некоторыми биографическими данными одного из рядовых сатиры, можешь углубиться в его книжку. Приятного чтения, дорогой друг. Прошу тебя, улыбнись!

1986 г.

НЕПРОШЕННЫЕ МЫСЛИ

Кто во всех деталях и подробностях разгадал хитроумный механизм человеческого мышления, какой знаток может с научной точностью описать, как в голове человека рождается та или иная мысль, чем обусловлено ее рождение? Ведь оно бывает таким произвольным! Про мысль можно сказать словами слегка видоизмененной песни: «Она нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...» Не думаешь про нее, не гадаешь, а она уж тут как тут и стучится в голову: «Впустите, дескать, явилась я!» А зачем явилась, кто ее просил — не скажет, потому что сама толком не знает...

Мысли, как птицы, прилетают и улетают, когда им вздумается. Заставить их явиться к какому-то определенному сроку нельзя: они не умеют пользоваться ни отрывным календарем, ни наручными часами «Полет». Мысли не придерживаются правила возникать по заявке и, бывает, заглядывают в вашу голову совсем некстати. Думаешь о поднебесье и полете орлов, а они приходят из мрачного подземелья, где хорошо живется и мыслится лишь подслеповатым кротам и землеройкам. Рассуждаешь мысленно категориями холодных арктических широт острова Вайгач, а они являются из знойного лета Термеза и Кушки. Захочешь поразмышлять над проблемами всемерного укрепления семейных уз, а пугливые мыслишки, занесенные каким-то шальным ветром, нашептывают что-то фривольное о прелестях раскованности и личной свободы. Некстати, ой как некстати порой посещают нас разные мысли! А что делать?

Запишешь мыслишку-самозванку на бумажку и отложишь в сторону до поры, до времени. Так вот и накапливаются они, незванные, непрошенные, можно сказать, посторонние мысли.

* * *

Ничто так не сближает людей, как протекционизм.

* * *

Речи политиканов напоминают речку, не возвращающую ни один мельничный жернов, — людям достаются одни брызги!

* * *

И мелкая душонка — объект всесоюзной переписи населения.

* * *

Простодушие — питательный корм ловкачей.

* * *

Чем дальше уходят от нас великие битвы, тем больше становится полководцев, которые их выиграли.

* * *

Случается, что в схватке расхитителя и прокурора побеждает дружба.

* * *

Попробовал получить взятку — получилась!

* * *

Умение говорить и умение думать частенько не совпадают.

* * *

К сожалению, человеческая глупость имеет необратимый характер.

* * *

Пока тиран спит, мир набирает сил для новых мук.

* * *

В какой пропорции ложь следует разбавлять правдой, знают только де-магоги.

* * *

Колесить можно и по идеально прямой дороге.

* * *

И сладкое вино оставляет горький осадок.

* * *

Идеально тесное сплочение людей достигается лишь в городских авто-бусах.

* * *

В старину говорили: «Волос долог — ум короткий». О женщинах. Как же ты, Русь, переменялась!

* * *

И среди сильных мира сего встречаются слабоумные.

* * *

Похоже, что спрос на писанные торбы никогда не иссякнет.

* * *

Ничто не делает людей такими одинокими, как фальшивая дружба.

* * *

Самодовольство раздувает личность, подобно резиновой игрушке: если перекачать — шарик лопнет.

* * *

Нахал способен устоять даже тогда, когда совесть бьет по нему прямой наводкой.

* * *

Непробиваемые бюрократы — вот не используемый пока резерв сырья для нашей кожевенной промышленности.

* * *

Не сомневайтесь в умственных способностях человека, хвастающего эрудицией, — это дурак.

* * *

Когда институт проводил день открытых дверей, родители абитуриентов все равно стучались в здание с черного хода.

* * *

И двуличные надевают на карнавале лишь одну маску.

* * *

И в головах людей, вознесшихся очень высоко, могут рождаться низкие мысли.

* * *

Если щедрость можно вычерпать до дна, то скупость неиссякаема.

* * *

Нужна ли дирекция в театре одного актера?

* * *

Чтобы оживить скучные передачи, на телевидение пригласили диктора-заику.

* * *

У лжи короткие ноги, но на роликовых коньках.

* * *

Почему нет вытрезвителей для опьяненных лестью?

* * *

Быть неординарным легко, если все время оставаться самим собой.

* * *

Двоедушные люди никогда не испытывают одиночества.

* * *

Птица не может не летать, а подхалим — не пресмыкаться.

* * *

Не каждого витающего в облаках ожидает мягкая посадка.

* * *

Неверно, что милосердие упразднено, — просто философы думают, как в это обветшалое понятие влить новое содержание.

* * *

Если ненависть может только ранить человека, то обступившее со всех сторон равнодушие наверняка задушит его.

* * *

Недалекие люди видны издалека.

* * *

На вечеринке у начальника канцелярии подавали вино с бюрократическим привкусом.

* * *

Прошлые заслуги, как и плоды садовых грядок, не выдерживают длительного хранения.

* * *

Говорят, что от счастья глупеют, а умнеют ли от несчастья?

* * *

Он был говорящим оратором, а есть еще и думающие.

* * *

Бояться надо не мертвецов, а тех, кто давно мертв, но еще судорожно цепляется за жизнь.

* * *

Каждый писатель знает, что белый лист бумаги всегда интереснее испанного.

* * *

Нередко человек становится руководителем только потому, что не приспособлен ни к какому другому делу.

* * *

Гений прокладывает в науке дороги, посредственность расставляет на них указатели.

* * *

Афоризм — убежище мысли, сложенное из слов.

ПРИРОДА НА ПРЯМОМ ПРОВОДЕ

В последнее время все чаще говорят о природе. А вот раньше такого рода разговорчики отсутствовали. Жил человек среди природы и как будто не замечал ее. Ну что с того, если растут вокруг леса, дающие крышу над головой и крепкие стены, приносящие в дом тепло и приветливый огонек? И какая невидаль в том, что лес полон не только плодов и ягод, а и всяческой порхающей и бегающей живности, которая на стол идет и теплой одеждой да обувью обеспечивает? Чему удивиться, если речки текут незамутненные, озера стоят чистые и в любой момент подходи к ним, пей, утоляй жажду, водичка — сласть! Так что же, мне прикажешь по этому поводу в телячий восторг приходить, «ура» кричать, тары-бары разводить? Эка невидаль! Всегда так было и всегда будет!

Так рассуждал не очень даже далекий наш предок. Потом он стал замечать, что леса убывают и тают, будто снег на весеннем солнце, как мелеют и пересыхают реки, рыбы и зверя становится все меньше, а вода в речках, озерах и морях мутнеет и кое-где приобретает такой цвет и запах, что от нее отворачиваются даже дикие животные. И человек забил тревогу, во весь голос заговорил о природе. Но если раньше в его рассуждениях на эту тему преобладали слова в повелительном наклонении (преобразовать! переделать! покорить!), то теперь они изменились. И стали преобладать слова с жалостливым оттенком: защитим, позаботимся, сбережем. От кого и от чего потребовалось уберечь природу? От нерасчетливого, неразумного пользования, хищничества, бесхозяйственности, разгильдяйства.

Теперь в кампанию борьбы за охрану природы включились все: и малые, и большие. Да и сама она, страдая подчас от чрезмерных нагрузок, торопит нас, ее хранителей и защитников, к неотложным активным действиям. Как это бывает в экстренных неотложных случаях, природа вышла к прямому проводу. Она сигнализирует, будит нас и ждет...

* * *

Все беды начались с того, что кто-то похитил ключи от природной кладовой.

* * *

На прогулочном теплоходе били склянки и швыряли их в иллюминаторы.

* * *

Юннаты вошли в лес с бодрым приветствием: «Ну, заяц, погоди!»

* * *

Сайгак иногда развивает скорость до восьмидесяти километров в час, но совсем не из любви к быстрому бегу.

* * *

Сколько выюн ни вьется, а на крючок попадетсЯ!

* * *

После того как в лесу перевели всю дичь, охотники потребовали лицензий на отстрел леших.

* * *

Хитер бобер: сдал свою хатку на сохранность Госстраху.

* * *

Когда-то в природе были цари, но техническая революция свергла их.

* * *

Езда на оленях — наслаждение, хотя сами олени думают об этом несколько иначе.

* * *

Крепко прищучить можно и браконьера, промышлявшего стерлядку.

* * *

Объявление рака-отшельника: «Сниму раковину с автоматической установкой для очистки воды».

* * *

Пока дебатировался вопрос о зачислении речки в разряд судоходных, она обмелела.

* * *

Звери единодушно отказались считать охоту из-под фар «лучом света в темном царстве».

* * *

Если бы в море не было акул, то кто бы сейчас защитил рыб от добытчиков-аквалангистов?

* * *

Когда рыба идет на нерест, хорошо ловится браконьер.

* * *

Корова тоже когда-то была диким животным, но она об этом не знает.

* * *

Счастье летучих мышей, что природа не успела создать летающих котов.

* * *

Если бы зайчишке да сорок ножек, как бы тогда он запутывал следы!

* * *

Если обозвать шакалом шакала, он наверняка обидится.

* * *

Спрашивают: где раки зимуют? А вы поинтересуйтесь, доживают ли они до зимы?

* * *

На то и щука в озере, чтобы рыбнадзор не дремал!

* * *

Боролись с шумом и под шумок постреляли всех ворон: чтобы не каркали.

* * *

- Гуси, гуси!
- Га-га-га!
- Жить хотите?
- Да-да-да!
- Летите домой.
- Браконьер под горой!

* * *

Есть основания полагать, что первоначально олени рога были задуманы не как украшения для охотничьих клубов.

* * *

Можно оставить природу без охраны, если не спускать глаз с ее губителей.

* * *

Всяк кулик к болоту привык, а пересохло болото — и кончилась на кулика охота.

* * *

Море смеялось, но из-за нефтяных пятен на нем казалось, что оно плачет.

* * *

Когда природа окончательно иссякнет, нас еще некоторое время будут питать воспоминания ее ревнителей.

* * *

По мере промышленного развития района росло и число любителей половить рыбку в мутной водичке.

* * *

Объявление Пушного института: «С нового учебного года институт готовит специалистов высшей квалификации по борьбе с расхитителями мягкого золота».

* * *

Кто помнит, как пахнет чистый воздух?

* * *

На звериной тропе появился знак «Осторожно: туристы!»

* * *

Как только последний чиж был посажен в клетку, возникло общество «Свободу пернатым певцам!».

* * *

Лучше синица и журавль в небе, чем акт о браконьерстве в руках.

* * *

Лиса идет на воротник, но неохотно.

* * *

Слухи о том, будто карась любит, чтобы его жарили в сметане, сильно преувеличены.

* * *

— Жаль, что ученые так и не успели выяснить,лезен он или вреден,— сказал заготовитель, принимая шкуру последнего убитого в лесу волка.

* * *

Запланировали сквер, а там хоть трава не расти!

* * *

У щуки давние счеты со спиннингистами.

* * *

— Что бы о нас ни говорили, — заметил баран, — но новые крепкие ворота в овчарне — это стоящая вещь!

* * *

— Обычай рубить елки под Новый год не такой уж жестокий, — любит говорить осина.

* * *

Полезнее схватить за руку одного разорителя птичьих гнезд, чем сто раз повторять слова: «Любите птицу!»

* * *

Когда в каком-нибудь районе полностью исчезает всякая дичь, его объявляют заповедником.

* * *

Раз уж научили медведей ездить на Ылосипедах, то нельзя ли приспособить их к тушению лесных пожаров?

* * *

Стоит ли расшифровывать язык рыб? Ведь ничего лестного о себе мы от них все равно не услышим.

* * *

Не будь у природы столько друзей, ей пришлось бы угасать в печальном одиночестве.

* * *

Немудрено, что угрю удастся иногда ускользнуть из сети, а вот как это удастся браконьерам, попавшим в руки рыбинспекции?

* * *

Некоторые выпускники рыбвузов убеждены, что сельди с самого рождения живут в бочках.

* * *

Никто не кланяется матушке-земле так низко, как огородник.

* * *

Про садовника говорили, что он гребет лопатой деньги, а он греб лопатой навоз.

* * *

Правда, что вороны много каркают, но ведь по делу!

* * *

На поля действительно выпало много снега, но не надо приписывать это усилиям сельхозруководителей.

* * *

Птицы уже давно строят гнезда по методу семейного подряда.

* * *

Ландыши, ландыши... Пойди в рощу поищи.

* * *

Как волка ни корми, а он все в Закон об охране природы смотрит.

* * *

Природа устала ждать милостей от человека.

* * *

В старину рыба искала где глубже, а теперь — где чище.

* * *

Современный вариант верноподданнического гимна: «Боже, природу храни!»

МОЖНО ЛИ БЕЗ ТРУДА?

Спрашивает хитроватый, себе на уме человечек, постоянно ищущий, где полегче, повольготнее, повыгодней, и ему отвечают:

— Нет, нельзя!

В том смысле, что извлечь рыбку из пруда и не затратить при этом никакой энергии совершенно невозможно. Противоречит законам физики и здравому смыслу. Правильный ответ.

Но если бы на плечах человека лежала только одна забота — удить в пруду карася, то есть заниматься полупромышленным рыболовством!

А надо еще землю пахать, сеять, хлеб убирать, нефть и уголь добывать, плавить металл, дома строить и мосты, водить автомобили и большегрузные поезда. И всюду нужны рабочие руки, везде требуется труд, иногда очень тяжелый и напряженный.

Советский Союз — рабочая страна, где люди труда — подлинные хозяева жизни. И труд у нас не просто элементарное выполнение каких-то рабочих операций, а высокоорганизованный, пронизанный единым стремлением к общему благу, одной обязательной для всех дисциплиной, ежедневной заботой об улучшении качества работы, ее результативности.

Впрочем, понятия эти всем давным-давно известны. И о них не стоило бы напоминать, если бы не встречались еще у нас ленивцы, ловкачи, уваливающие от общего созидательного труда, исповедующие в работе принцип «тяп-ляп», разгильдяи.

Против них, паразитирующих, направлены едкая шутка и острое слово.

* * *

— Какая прелестная коньячная рюмка! — воскликнула внучка, увидев старый медный наперсток бабушки.

* * *

Из школьного сочинения: «При царе люди жили очень бедно, не имели даже транзисторов».

* * *

Услышав о Страдивариусе, спросил: «А какая это фирма? Японская?»

* * *

Думала, что коров доят в подсобках магазинов «Молоко».

* * *

Ходил в штанах с заплатами и перебивался с хлеба на коньяк.

* * *

Фабрика специализировалась на выпуске уцененных товаров.

* * *

Согласен, курение надо запретить. Но как обойтись без перекуров?

* * *

Говорят, что совершенству нет предела, тогда зачем же лезть из кожи вон?

* * *

Ничего страшного, что у дуршлага не оказалось дырок, а может быть, он задуман как ковшик?

* * *

Если все время давать качество и качество, то не сочтут ли это за ячество?

* * *

У продавца была только одна странность: он терпеть не мог покупателей.

* * *

...Взвесь товар, заверни, подай покупателю, поблаговари за покупку, улыбнись — какая канитель!

* * *

Говорят — топорная работа, а разве топор плохой инструмент?

* * *

Если зависть возбуждает энергию, то я хочу, чтобы все официанты стали жуткими завистниками!

* * *

Спать на работе, конечно, нехорошо, но что делать, коли дома мучает бессонница?

* * *

Мечтал поступить продавцом в магазин без продавца.

* * *

У начальника ОТК все сны были со Знаком качества.

* * *

Говорят: усердие не по разуму. Спрашивается, а зачем усердному человеку еще и разум, пусть работает!

* * *

Если есть передовики, должны быть и отстающие.

* * *

Мечтал о медали с таким девизом: «Ни шатко, ни валко»!

* * *

Если мы все станем работать без брака, контролеры сойдут с ума от скуки!

А ВСЕ ЛИ КНИГОЛЮБЫ КНИГАМ ЛЮБЫ?

Теперь в городе или деревне мы едва ли можем встретить человека, который откровенно бы признался, что не любит книги. И высказал бы нечто дремучее:

— Книги? Да пропади они пропадом! От них пыль одна в доме. Из-за них мебель некуда приткнуть.

Нет, не услышишь такое и книгоненавистника такого не встретишь. А если и встретишь, то сочтешь белой вороной. Однако спросите любую ворону: хочет ли она стать белой? Ни за что на свете! То-то и оно!

Признаваться в равнодушии, а тем более отрицательном отношении к печатному слову опасно, можно попасть в разряд невежд и даже воинствующих. А с другой стороны, высказать какое-нибудь, пускай даже не свое, мнение о той или иной книге, уметь завязать разговор о книжной новинке или, наоборот, старинной, но редкой публикации престижно, сразу же рекомендует вас как культурного человека с широким кругозором.

Но, чтобы рассуждать о книгах, надо как минимум иметь их. Создание, накопление личных библиотек в наши дни стало повальным увлечением. Люди охотятся за редкими книгами, словно за исчезающими с лица земли животными, выстаивают длинные очереди за подписными изданиями, собирают по листику бумажную макулатуру. Иные любители нанесли в свои квартиры столько «Мушкетеров» по макулатурным талончикам, сколько их никогда и не было в королевской гвардии!

Книги теперь не только не мешают расстановке мебели, но в некоторых случаях и сами превратились в предмет комнатного интерьера. По цвету книжных обложек и корешков подбирают расцветку обоев. Или наоборот, в зависимости от вкуса.

Появились книголюбые, превращающие книгу — источник знания в источник нетрудовых доходов. Или такие, кто выносит из читального зала не только глубокое впечатление от прочитанного, но и саму книгу. Приходится наблюдать и такой феномен, когда любитель книги из-за собственной неряшливости, дурных привычек и наклонностей превращается в ее врага.

Короче, много странного, наносного можно обнаружить в книжном мире. И кажется совсем не случайным, но назревшим, оправданным таковой вопрос:

— А все ли книголюбые книгам любые?

* * *

Даже самая подробная аннотация не заменяет самой книги.

* * *

Патология в книжном мире: пухлый роман.

* * *

Медики установили, что за год человек съедает не меньше пуда соли, которую он расходует при чтении пресных книг.

* * *

Домашняя библиотека открыта круглые сутки.

* * *

Когда закрываешь плохую книгу, то невольно ищешь гвозди, чтобы наглухо заколотить ее.

* * *

Чем ординарнее текст, тем выше сорт бумаги.

* * *

Бойкость пера — явление, при котором движение авторучки намного опережает авторскую мысль.

* * *

Иные отлитые из свинца строки оказываются тверже стали.

* * *

Подчас заметки на полях бывают глубокомысленнее расположенного рядом с ними текста.

* * *

Библиотекари могут читать и на работе.

* * *

Книга — лучший подарок автору.

* * *

Я читаю — значит, я существую.

* * *

Сначала люди научились читать за обедом, а потом уже приобрели все остальные дурные привычки.

* * *

Самое безвредное сновидное — нудная книга.

* * *

Роскошный переплет подобен парадной двери: не исключено, что за ним скрывается убогость.

* * *

И очень сухой человек может писать водянистые книги.

* * *

Вступление в члены Всероссийского общества книголюбов не освобождает от необходимости читать книги.

* * *

Собрание сочинений — единственное собрание, где не принимают никаких резолюций.

* * *

Книжную полку можно сравнить с клубом, где подбираются интересные собеседники.

* * *

Типографы считают, что замечать допущенные опечатки — дурной тон.

* * *

Ее самой любимой книгой был телефонный справочник.

* * *

Редакционные примечания были такими интересными, что хотелось, пропуская авторский текст, читать только их.

* * *

Предисловие начиналось так: «Автору, человеку средних способностей, при всей узости его кругозора удалось, однако...»

* * *

Красочные вкладки жаловались: «Опять нас вклеили в серый текст!»

* * *

Плагииаторы не читают книг — они их переписывают.

* * *

От талантливых иллюстраций книга несколько не утратила своей первоизданной бездарности.

* * *

Крупные мысли можно воспроизводить и мелким шрифтом.

* * *

Книжный голод может возникнуть даже в годы, богатые хлебом.

* * *

Книжное издательство напоминало осажденную крепость: каждого нового автора тут обливали кипящей смолой.

* * *

Книга — продукт, подлежащий длительному хранению.

* * *

«Поваренная книга» была написана так талантливо, что у автора рецензии под конец потекли слюнки.

* * *

Собираясь в дорогу, не клади книгу на дно чемодана.

* * *

Правление диктаторов обычно начинается со сжигания книг.

* * *

Критик вооружился пером-автоматом и отправился на отстрел книг-скоропелок.

* * *

У букинистов весь товар лежалый!

* * *

Коллектив авторов завершил работу над книгой жалоб.

* * *

Наивно полагать, что все расхитители народного добра увлекались в детстве детективной литературой.

* * *

Магазин продавал подарочные книги по весу.

БУДЕМ ЗДОРОВЫ

С таким пожеланием люди обращаются друг к другу в праздники и будни, при встречах и расставаниях. Иметь крепкое, доброе здоровье считается хорошим тоном, демонстрировать отличное самочувствие — значит вызывать симпатию у окружающих, а силу и сноровку — не только зависть, но и всеобщий восторг.

Забота о здоровье детей и взрослых, молодежи и людей старшего возраста возведена у нас в ранг первостатейной государственной политики. Об этом предмете много говорят и пишут. Не случайно журнал «Здоровье» — самый массовый, а одноименная телевизионная передача по числу смотрящих и слушающих успешно конкурирует не только с футбольными, но и с хоккейными.

Здоровье, здоровье — побольше бы его! К этому направлены, скажем без преувеличения, самоотверженные усилия огромной армии корифеев медицинской науки, врачей, фармацевтов, медицинских сестер и медбратьев. И, конечно же, больничных нянечек, без которых, как без стойких, выносливых солдат, любое войско обречено на поражение. Слава им и честь!

Между тем здравоохранение — это не только врачи, больницы, санатории и амбулатории, а еще и канцелярии, не только лекарства, а и бумаги, не одна лишь микстура, но и чернила. У нынешнего врача в одной руке стетоскоп, в другой — авторучка «Союз». И сам врач постепенно превращается из лечащего в пишущего. Ну, а пациенты? Ведь сколько их, столько и характеров, наклонностей, убеждений и... предрассудков. Пестрая, причудливая картина!

Однако не дадим стремнине рассуждений унести нас в далекие дали. Не забудем о нашей главной задаче: будем здоровы!

* * *

Время врачует раны и старит врачей.

* * *

Интересно, справился ли бы Гиппократ с обязанностями участкового врача?

* * *

Призвание врача — обеспечивать здоровье людей, ведущих нездоровый образ жизни.

* * *

Люди болели бы меньше, если бы не было модных лекарств.

* * *

Великие врачи в истории медицины встречались, а вот великого больного еще не было.

* * *

Чахлые деревья в больничном дворе медленно угасали вместе с больными.

* * *

Если бы все лекарства помогали, то их было бы очень мало.

* * *

У хорошей медсестры все больные — братья.

* * *

Подвели итоги операции и обнаружили: чего-то недостает...

* * *

Самолечение равносильно попытке вскарабкаться на собственную спину.

* * *

Главврач санатория был обыкновенным бюрократом, только в белом халате.

* * *

Посещать больного можно не только по поручению месткома.

* * *

Когда санитарная пропаганда твердит, что все болезни излечимы, люди перестают остерегаться их.

* * *

Что хуже: слишком доверчивый пациент или чрезмерно самоуверенный доктор?

* * *

Различие между знахарем и врачом: первый твердо знает, что он невежда, а второй даже не подозревает об этом.

* * *

Были бы врачи, а больные всегда найдутся.

* * *

У дурней всегда идеальное кровяное давление.

* * *

Раньше в Кисловодск ехали на лошадях, теперь летят реактивными самолетами — огромный прогресс. Лишь природа осталась консервативна: количество солнечных дней в году и поныне такое же, как во времена Крымской войны.

* * *

Кажется, что курортный врач сначала получает месячный лимит разных лечебных процедур, а уж потом подбирает для них больных.

* * *

За 26 путевочных дней можно сочинить содержательную санаторно-курортную книжку.

* * *

Все время добивался, чтобы ему тоже назначили модную процедуру — розу натанзона. Очень удивился, когда узнал, что это не процедура, а имя и фамилия сестры-хозяйки санатория.

* * *

Объявление: «Сегодня в нарзанной галерее лекция «Курортный флирт, его профилактика и лечение».

* * *

Самый скучный город в мире — Ессентуки, но об этом не принято говорить.

* * *

После лекции задали вопрос:

— Скажите, что мы будем пить, когда иссякнут источники нарзана?

Врач внимательно посмотрел на любознательного толстячка-курортника и ответил:

— Пиво.

* * *

Оказавшись у знаменитого Провала в Пятигорске, она спросила:

— А правда, что здесь бывал Остап Бендер?

* * *

В ресторане «Храм воздуха» вентиляция не работала и посетителям подавали на десерт кислородные подушки.

* * *

Многих, кто побывал в санатории «Дубовая роща», повалила жизненная буря. А какие были дубы!

УБЕРЕЖЕМ ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ

Из школьного курса географии мы знаем, что на земном шаре суши довольно мало, зато озер, морей и океанов навалом. Запомнить все их названия и по необходимости перечислить может только прилежный ученик с хорошо развитой памятью. Так обширна и разнообразна окружающая нас водная стихия, изображенная голубой краской на всех географических атласах.

Однако есть море, которое нельзя обнаружить ни в одном из них. О его существовании многие люди даже не подозревают, хотя плавают по нему всю жизнь. Называется это море Житейским.

Всякое море — живой организм, развивающийся по определенным законам и подчиняющийся определенным естественным условиям. Изучая их, люди учатся с наибольшим эффектом использовать дары моря для своего блага, прогресса и процветания человеческого общества. Но одновременно с этим они оберегают море от вредного воздействия активного и подчас неосторожного вмешательства человека. Процесс взаимно обусловленный и закономерный: пользуясь морем, но и береги его. Ведь беспорядочный сброс в Мировой океан различного рода отходов промышленного производства, нефти, химических веществ тяжело отзывается на самочувствии как самой морской воды, так и ее обитателей — рыбы, морского зверя, птиц и всей цепочки обитающих в толще океана живых организмов.

Житейское море тоже слабо защищено от замусоривания и загрязнения. Вредные выбросы также наносят ущерб духовному здоровью общества. Берегите его чистоту!

* * *

Пошлости так много, что она, подобно мутному внешнему потоку, грозит выйти из берегов.

* * *

Если верно, что супруги — два сапога пара, то почему мы видим вокруг так много нестандартной обуви?

* * *

Всю жизнь считал себя узником Гименея.

* * *

Убогость мыслей скрывала под пышным париком.

* * *

Когда между супругами пробегает черная кошка, надо попытаться отмыть ее.

* * *

Раз уж в семейном очаге тлеет костер ревности, то не следует подкладывать в него новые поленья.

* * *

Интересно, полагается ли супругам, дожившим до золотой свадьбы, дополнительный медовый месяц?

* * *

Красная девица все же чем-то отличается от красящейся.

* * *

В человеке все должно быть красиво: и лицо, и по возможности одежда.

* * *

Беда имеет свой запах, и падкие на чужое горе носы чуют ее издалека.

* * *

Свадьбы расстраиваются редко — браки гораздо чаще.

* * *

С пеленок жил с бабушкой и знал только ее. Мать была приходящей.

* * *

Изобретение наушников не избавило общество от наушничества.

* * *

«Трудные» дети — цветы легкой жизни.

* * *

Глупо строить собственное несчастье на счастье других.

* * *

Когда в одном месте скапливается много краденого, то это принято называть: дом полная чаша.

* * *

Уважайте меркантильных людей — они всегда в поиске!

* * *

Даже пассажир, привыкший к комфорту, не должен рассчитывать на спальное место в пригородной электричке.

* * *

Если бы парни всей земли увлеклись разгадыванием кроссвордов, хулиганство исчезло бы само собой.

* * *

Равнодушие — самый стойкий изоляционный материал, отделяющий одну личность от другой.

* * *

Персонал магазина увлекался игрой в «припрятки товара».

* * *

Товаровед — товароед.

* * *

«Десятка сверху» — неписаное добавление к ценнику в магазине модной обуви.

* * *

«Все куплю», — сказала злато... Не смогло купить без блата!

* * *

В магазине чем-то торговали, а что-то в продажу не поступало. И второго было значительно больше, чем первого.

* * *

В ателье по шитью одежды заказы от голых королей принимали вне очереди.

* * *

Равнодушие прекрасно способствует образованию подкожного жира.

* * *

Сидевшему на скамье подсудимых взяточнику многие сочувствовали: он брал по-божески.

* * *

Если бы энергию суетных людей использовать в созидательных целях!

ПОЖАЛЕЛ!

Опыт фельетона-сценария

Энергичной походкой шагает по тротуару человек с авоськой в руках. Вывеска «Рыба». Человек решительно открывает дверь и заходит в магазин. Миновав торговый зал, он стучится в дверь с табличкой «Директор» и входит в кабинет.

Директор встает из-за стола, встречает посетителя.

Человек вынимает из авоськи сверток. Разворачивает бумагу, кладет сверток на стол. В свертке — рыба.

Директор берет сверток, зачем-то подносит к окну. Вынимает из кармана лупу, рассматривает.

Человек в волнении вытирает об авоську руки, затем ею же смахивает выступивший на лбу пот.

Теперь волнуется директор и отирает лоб белоснежным платочком. Нажимает кнопку.

В кабинет входит товаровед. Видит на столе сверток, обращается к директору:

Директор молча кивает. Товаровед снимает очки, надевает другие и рассматривает рыбу.

Голос за кадром:

— Познакомьтесь, друзья, с этой поучительной историей, заснятой нами буквально с натуры.

— Чем могу служить?

— Я пробил за рыбу первой категории: филе тунца. А продавец подсунул мне половину минтая. Это тоже филе, но только с небольшой разницей: тунаец стоит два рубля, а минтай — 58 копеек. Это же грабеж!

— Грабеж.

— Я требую книгу жалоб.

— Только не это.

— Опять?

— Поймите. гражданин, запись в жалобной книге для нас несмыслимое пятно.

Директор протягивает товароведу лупу.

Человек снова вытирает лоб авоськой и пытается засунуть ее в нагрудный кармашек пиджака.

Теперь уже волнуется товаровед. Он вырывает из квитанционной книжки листок и прикладывает его ко лбу, как промокашку.

Человек подходит к свертку, хочет его забрать.

Директор несколько раз нажимает кнопку звонка.

Входит продавец в белом фартуке, с белой шапочкой на голове, рукава закатаны. Оглядел всех, понял ситуацию.

Человек снова бросает сверток на место.

Подходит к столу директора, садится в его кресло, берет жалобную книгу, пишет.

— Каинова печать.
И тю-тю премиальные.

— А я настаиваю!

— Войдите в наше положение. Этого продавца нам прислали совсем недавно...

— Он что, молодой?

— Пожилой, но опытный. Дачу начал строить, вот и торопится.

— Не надо жалобную требовать, гражданин хороший. Дачу-то я под венец подвел, а крыть нечем. Машину кровельного железа надо. Не ровен час, дожди польют, сгниет строение...

— Ах так! Вы дачу строите, а я должен страдать?

— Пирог рыбный хотела супруга приготовить к именинам. А что гости, попробовав пирог, про нас скажут? Сквалыги, мол, на именинное угощение какие-то несчастные рубли и копейки пожалели. Позор!

Директор, товаровед и продавец одновременно вытирают пот. При этом директор пользуется платочком, товаровед новым листочком из квитанционной книжки, а продавец — сдернутой с головы белоснежной шапочкой. Повторяют:

Человек кончил писать. Снимает телефонную трубку, набирает номер.

Директор, товаровед, продавец падают на колени, принимают молитвенные позы.

Человек положил трубку на рычаг телефона. Смотрит на коленопреклоненных и снова поднимает трубку.

Директор, товаровед и продавец отвешивают земные поклоны, как во время молитвы. Человек набирает номер.

Изображение застывает.

Пленка прокручивается в обратную сторону. Появляется изображение продавца, дающего объяснение.

Человек забирает сверток со стола.

— Позор!

— Я сейчас в торговую инспекцию позвоню... Инспекция! Пришлите немедленно контролера в рыбный магазин. Зачем? А здесь покупателей грабят.

— Да я еще в министерство торговли позвоню.

Голос за кадром:

— Стой!

Голос директора:

— Тут произошла ошибка. На самом деле события развивались не так. Прокрутите пленку назад.

— ...Машину кровельного железа надо. Не ровен час, дожди польют, сгниет строение...

— Но не лучше ли вместо железа купить рубероид или, к примеру, толь. Дешевле ведь! Да вы присаживайтесь, товарищ продавец, в ногах правды нет.

Продавец небрежно разваливается в кресле директора. Вынимает зубочистку, ковыряет в зубах.

Человек вынул из кармана авоську, засовывает туда рыбу.

Продавец довольно улыбается. Надевает шапочку на голову. Директор облегченно вздыхает, кладет платочек в кармашек, товаровед вкладывает листки в квитанционную книжку.

Человек идет к выходу.

Торговый зал магазина. Продавец протягивает покупательнице рыбу.

Общий вид магазина. Продавцы, покупатели. С довольным видом наблюдают за торговлей директор и товаровед.

— Ну и сказали, гражданин хороший! Толем только курятник крыть, а у меня дача из отменной сосны. Хоть в петлюalezай, а без железа не обойтись.

— Зачем же в петлю? Раз надо, значит, надо.

— Вы уж простите меня, что побеспокоил вас.

Голос за кадром:

— Вот такая история произошла в рыбном магазине. Обыкновенная история!

— Получайте, мамаша. Первый сорт. Но уж извините: тунец пополам с минтаем. Специфический вкус.

— Молодец! Какую дачу отгрохал! И на чем? На людской жалости и тунцовом наваре!

К о н е ц.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Вихрев.</i> ЖУРНАЛИСТ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ . . .	2
МОЯ КОРОТКАЯ БИОГРАФИЯ	4
НЕПРОШЕННЫЕ МЫСЛИ	17
ПРИРОДА НА ПРЯМОМ ПРОВОДЕ	22
МОЖНО ЛИ БЕЗ ТРУДА?	28
А ВСЕ ЛИ КНИГОЛЮБЫ КНИГАМ ЛЮБЫ? . . .	32
БУДЕМ ЗДОРОВЫ	36
УБЕРЕЖЕМ ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ .	40
ПОЖАЛЕЛ!	44

Мануил Григорьевич СЕМЕНОВ

НЕПРОШЕННЫЕ МЫСЛИ

Составитель **В. С. Семенова**

Редактор **А. Е. Вихрев**

Техн. редактор **Л. И. Курлыкова**

Сдано в набор 29.07.88. Подписано к печати 16.09.88.
А 11778. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд» Офсетная печать Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,48. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75 000 экз.
Заказ № 2873. Цена 15 коп

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137 ГСП, ул. «Правды», 24.

Кем бы ни работал Мануил Григорьевич Семенов — ловцом на астраханских промыслах в шестнадцать мальчишеских лет, журналистом, редактором, он был целиком поглощен своей работой, делал ее страстно, увлеченно.

Молодежные газеты в Астрахани и Сталинграде, «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», армейские и фронтовые газеты в годы войны, «Известия» и, наконец, «Крокодил», где на протяжении шестнадцати лет он являлся главным редактором и до последнего дня членом редколлегии, — таковы страницы его журналистской биографии.

Мануил Семенов был разносторонним литератором, но юмор и сатира преобладали в его творчестве. Теплый, человечный юмор и гневная, беспощадная сатира. Он был боевым партийным публицистом, и хотя его смелые выступления порой оборачивались синяками от ответных ударов «обиженных», это не только не сбивало его с курса, но, напротив, как бы заряжало новой энергией. Ибо боролся он за правое дело.

Его произведения издавались в братских республиках, переводились на иностранные языки. Он и сам любил и превосходно умел переводить и прозу, и драматургию, и поэзию.

Многие еще, кажется, совсем недавно молодые и начинающие, а сегодня уже вполне зрелые журналисты и литераторы будут помнить его как доброго, но взыскательного наставника, чуткого старшего товарища.

Цена 15 коп.
Индекс 72996

